

Кризис суверенного государства-нации и «рациональная дискуссия»: либеральный дискурс «спасения» демократии и «общего блага»

К. Г. Мальцев¹, А. В. Мальцева¹ ✉

¹ Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова
ул. Костюкова 46, г. Белгород 308012, Российская Федерация

✉ e-mail: pavic69@mail.ru

Резюме

Актуальность. Кризис современного новоевропейского суверенного государства-нации определяется как экзистенциальный (а не «технический»); следовательно, речь должна идти о социально-философском исследовании «кризиса основоположений».

Цель статьи – представить недействительность основоположений государства-нации в современности, тотально определяемой господствующей либеральной экономической парадигмой политического (Дж. Агамбен), и современные способы снятия следствий кризиса политического в либеральной традиции.

Задача – на основе интерпретации данных утверждений определить условия и границы возможности «ответа» из перспективы «либеральной метафизики».

Методология. По утверждению К. Шмитта, либерализм есть «последовательная метафизика», сущность которой определяется как «бесконечная свободная/публичная дискуссия»; последовательный либеральный «ответ» на вызов, таким образом, может быть дан только исходя из названной «сущности», – основное методологическое положение, определяющее структуру и содержание настоящей статьи.

Результаты. Выявлено, что: нация как форма политического единства суверенного народа в перспективе либеральной метафизики не может полагаться «субстанцией государства»; народ-суверен есть «расколотый в себе» и наличные способы актуализации его действительного единства более «недействительны»; механизмы политической репрезентации, демократически легитимирующие властные институты суверенного государства-нации в его новоевропейской, т. е. либеральной, форме нуждаются в радикальном реформировании. «Свободная дискуссия» устанавливается в статье, ограничена в возможности «ответа» на «экзистенциальный кризис»; это предполагает необходимость редукции «политического» («понятие политического» К. Шмитта как «экзистенциального решения» суверена в горизонте экзистенциального противопоставления «друг – враг») и «сведения» посредством такой редукции «сущностно политического» к техническим вопросам «управления» (М. Вебер). Выделяется три основных способа «либеральной редукции политического»: «логико-эпистемологическое» Ю. Эльстера, «этическое» Дж. Ролза, «эстетическое» Р. Анкерсмита, – и определяются их характерные «черты».

Вывод. Делается вывод о том, что последовательная либеральная политическая философия, утрачивая в своем понимании политики как управление, различение между *auctoritas* и *potestas*, является неспособной тематизировать «экзистенциальный», т. е. политический, кризис основоположений суверенного государства-нации.

Ключевые слова: государство; власть; публичная дискуссия; компромисс; политическая репрезентация; народ; суверен.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Кризис суверенного государства-нации и «рациональная дискуссия»: либеральный дискурс «спасения» демократии и «общего блага» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 193–208. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-193-208>.

Поступила в редакцию 03.12.2021

Принята к публикации 18.01.2022

Опубликована 28.02.2022

The Crisis of the Sovereign State-Nation and the "Rational Discussion": the Liberal Discourse of the "Salvation" of Democracy and the "Common Good"

Konstantin G. Maltsev¹, Anna V. Maltseva¹ ✉

¹ Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov
46 Kostyukov str., Belgorod 308012, Russian Federation

✉ e-mail: pavic69@mail.ru

Abstract

Relevance. The crisis of the modern European sovereign nation-state is defined as existential (not "technical"); therefore, we should talk about a socio-philosophical study of the "crisis of the foundations".

The purpose of the article is to present the non-reality of the foundations of the nation-state in modern times, totally determined by the dominant liberal economic paradigm of the political (J. Agamben), and modern ways of removing the consequences of the political crisis in the liberal tradition.

The objective is based on the interpretation of these statements - to determine the conditions and boundaries of the possibility of "response" from the perspective of "liberal metaphysics".

Methodology. According to K. Schmitt, liberalism is "consistent metaphysics", the essence of which is defined as "endless free / public discussion"; a consistent liberal "response" to the challenge, therefore, can only be given on the basis of the named "essence" – the main methodological position that determines the structure and content of this article.

Results. It was revealed, that a nation as a form of political unity of a sovereign people, in the perspective of liberal metaphysics, cannot be relied on as a "substance of the state". That the people-sovereign is "split in itself" and the available ways of actualizing its real unity are no longer "valid". That the mechanisms of political representation that democratically legitimize the power institutions of a sovereign nation-state in its new European, that is, liberal, form, need radical reform. "Free discussion", stated in the article, is limited in the possibility of "answering" the "existential crisis"; this presupposes the need to reduce the "political" (Schmitt's "concept of the political" as an "existential solution" of the sovereign in the horizon of the existential opposition "friend – enemy") and "reduction" by means of such a reduction of the "essentially political" to technical issues of "governance" (M. Weber). Three main methods of "liberal reduction of the political" are distinguished: "logical-epistemological" by Y. Elster, "ethical" by J. Rawls, "aesthetic" by R. Ankersmit, and their characteristic "features" are determined.

Conclusion. It is concluded that a consistent liberal political philosophy, losing in its understanding of politics as government, the distinction between auctoritas and potestas, is unable to thematize the "existential", that is, political, crisis of the foundations of a sovereign nation-state.

Keywords: state; government; public discussion; compromise; political representation; people; sovereign.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Maltsev K. G., Maltseva A. V. The crisis of the Sovereign State-Nation and the "Rational Discussion": the Liberal Discourse of the "Salvation" of Democracy and the "Common Good". *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 193–208. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-193-208>.

Received 03.12.2021

Accepted 18.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

«Кризис новоевропейского суверенного государства-нации» есть почти «общее место» – для всех без исключения направлений современной политической философии и политической теории. Понимать ли этот кризис как «несоответствие» современной реальности, определяемой через глобализацию, или как кризис оснований его действительности и различный «набор» этих «оснований», которых либо больше просто нет, либо разделения в них больше не образуют никакого единства, – это предмет бесчисленных научных (и «практических») дискуссий, – сам «факт» кризиса полагается установленным вполне достоверно. Но к *понятию* суверенного государства-нации (а здесь следует учитывать, что мы имеем дело с *радикальным* *понятием*, т. е. таким, в котором, если согласиться с К. Шмиттом, реальность и представление сущностно едины; еще он в «Политической теологии» [1], например, называл это «метафизическим понятием»), «прикреплено» столько «ценностей» и «общезначимостей», институтов и прав (не говоря уже о «мифах», эмоциях), от которых считается «немыслимым» отказаться и полагается необходимым обязательно «сохранить», что факт и констатация этого факта не являются «нейтральными» (в смысле научной объективности), но имеют признаки политического *события*, и в этом качестве требуют *ответа* вместе и даже *прежде* теоретического анализа или философской интерпретации, которые именно *ответов* в указанном смысле *не дают*. Предметом настоящей статьи является изучение одного из таких ответов: того, который предложен господствующей сегодня ли-

беральной идеологией, и только в *теоретическом* аспекте этого «ответа».

Исследования, помещающие кризис нации-государства в перспективу глобализации, могут быть исключены из нашего рассмотрения: имперский политический порядок, предполагающий «снятие» национально-государственных суверенитетов, не предполагает также и сохранения наций-государств в качестве автономных субъектов (по словам З. Баумана [2], они теперь «полицейские участки» глобальной власти), и решение названных выше «вопросов» переносят на глобальный, т. е. теперь имперский, уровень: каким бы способом не предполагалось это делать, «несостоятельность» наций-государств и невозможность «решений» на «этом уровне» полагаются здесь очевидными. Все большее количество либеральных исследователей становятся последовательными «глобалистами»; однако среди вполне последовательных «либералов» остаются и такие, кто не готов «всецело» принять этот выбор и полагает по разным причинам невозможным «сохранение демократии» в обществе «глобальных сетей» [3], а потому настаивает на «реанимировании» новоевропейского государства-нации, хотя бы пришлось отказаться от его «суверенитета». В этой перспективе и обретается предмет нашего исследования: ответ на «кризис» в условиях признания «незаменимости» государства-нации для решения ряда существенных «демократических требований», – например, требование демократической политической легитимации, от которых считают невозможным просто отказаться и решение которых нельзя «перенести» на глобальный уровень (глобальные институты попросту демо-

кратически не легитимны и отсутствуют механизмы такой легитимации).

Материалы и методы

Методологическое значение для «обстояния», которое мы выбрали предметом рассмотрения, имеют утверждения К. Шмитта, определившего еще в 20-е годы прошлого века надлежащую перспективу понимания либерализма как «последовательной, объемлющей, метафизической системы» [4] и уже тогда определившего ее (системы) сущность: бесконечная *дискуссия* и, как следствие этого, «духовное ядро этого мышления вообще, его специфическое отношение к истине, которая становится простой функцией вечного соревнования мнений. По отношению к истине это означает отказ от окончательного результата» [4, с. 129]. Здесь задолго то того, как Ю. Хабермас [5; 6] выдвинул свою концепцию «свободной коммуникации», Дж. Ролз [7] предложил теорию «перекрывающегося консенсуса»; Ф. Р. Анкерсмит [8] обосновал, что суть политической деятельности – не в поиске и нахождении истины, но в организации истины, – Шмиттом определена суть либерализма как «метафизической системы», и если считать (а для иного понимания нет никаких оснований), что в названных выше трех «концепциях» выразилась суть либеральной идеи, то проницательность и правота Шмитта вполне очевидны. Либерализм как любая «метафизическая система» претендует на особую разновидность «очевидности»: «Каждая эпоха политической и государственной мысли обладает подобными представлениями, которые кажутся ей в некотором специфическом смысле очевидными, и они, хотя, быть может, часто бывают непоняты и мифологизированы, легко усваиваются большими массами» [4, с. 115], т. е. речь идет в том числе о необходимых «политических следствиях» из «сущности либерализма» как «метафизической системы», имеющих «очевидность» не только как «следствия»

(этого можно «не понимать»), но «сами по себе»; теоретической задачей тем не менее является выведение подобных «очевидностей» именно как *следствий*: и этим мы тоже обязаны К. Шмитту. Поскольку основу либерального «образа мыслей» положен такой, «который повсюду создает некоторое множество, чтобы в системе опосредствований на место абсолютного единства поместить равновесие как результат имманентной динамики» [4, с. 135] и, как подчеркивает Шмитт, этот же «образ мыслей» лежит и в основании новоевропейского способа «мыслить» вообще, то в «политическом» это означает представление о нем как о «системе равновесий» (репрезентируемых в парламенте прежде всего). Тогда: «Если то центральное значение, которое придается дискуссии в системе либерализма понимается правильно, то два типичных для либерального рационализма политических требования обретают правильное значение, выводятся из неясной атмосферы лозунгов и политически-тактических соображений целесообразности и получают научную ясность: постулат публичности политической жизни и так называемое учение о разделении властей, точнее, об уравнивании противоположных сил, из коего само собой как равновесие должно возникнуть правильное. Из-за того, что решающее значение в либеральной мысли получает публичность, особенно господство общественного мнения, либерализм и демократия кажутся здесь тождественными» [4, с. 130], т. е. «свобода слова, свобода печати, свобода собраний, свобода дискуссий, таким образом, не только полезны и целесообразны, но являются подлинно жизненными вопросами либерализма» [4, с. 129], а «свет публичности – это свет просвещения, освобождение от предрассудков, фанатизма и властных интриг» [4, с. 132]. И уже в завершение из сказанного следует своеобразный «экономизм» как «всеобщий принцип»: «Из свободы договора, свободы торгов-

ли, свободы ремесел сами собой получают социальная гармония интересов и наибольшее возможное изобилие. Но это – только один случай применения всеобщего либерального принципа» [4, с. 129]. Шмитт аргументированно доказывает невозможность свести «политическое» к «управлению», но это не значит, что такое «сведение» не является необходимым выводом из «либеральной метафизики».

Таким образом, определяются концептуальные рамки, в которых осуществляется поиск «ответа» на вызов «кризиса» новоевропейского государства-нации последовательной либеральной мыслью; то, что эти рамки определены Шмиттом, вполне «удовлетворительно», мы убеждаемся в ходе последующего изложения.

Результаты и их обсуждение

Ближайшим образом «основоположения» социально-политического знания можно понимать в соответствии с аналогией с аксиомами (математическое естествознание) или догмами (вероучение); основоположения есть «радикальные понятия», в которых реальное и действительное определенным образом «совпадают»; в статье удерживается различие между «реальностью» понятия и «действительностью» (существования, *наличия*), проведенное И. Кантом, в интерпретации, данной М. Хайдеггером [9]; в перспективе данного различения «кризис основоположений» может быть охарактеризован как *экзистенциальный*.

Итак, если, как мы определили, оставить в стороне проблемы, связанные с глобализацией, вместе с самой «перспективой», которую она задает для интерпретации «кризиса», то следует назвать «существенные элементы», которые, собственно, названный кризис «образуют». Таковых мы видим три: двусмысленности, связанные с пониманием/существованием *нации* как формы политического единства суверенного народа; «рас-

кол» в существовании/понятии *народа* как субстанции *суверенного* государства-нации («народный суверенитет» – идея, «очевидность» которой пребывает в статусе «само собой разумеющегося»); кризис системы политической репрезентации как основного механизма демократической легитимации современного государства (демократическая легитимация – это то же разумеется «само собой» как единственная из всех возможная и «легитимная»). Наконец, следует еще назвать *неспособность* национального государства удержать монополию на физическое насилие (терроризм, «новая война»), но это остается за рамками нашего рассмотрения как относящееся к «глобальной перспективе».

«Национальная идентичность», притом что никто, кажется, не отрицает ее необходимость как единственной исторически действительной политической формы новоевропейского суверенного государства [10], с либеральной точки зрения всегда была не только «подозрительной» (как любая коллективная идентичность, перекрывающая автономию индивида), но даже прямо «враждебной»: в последнее время «политика идентичности» вообще оценивается как «нелегитимная» и провоцирующая «новые войны» (у М. Калдор [11], например). В модернистских [12; 13; 14; 15] (при всех различиях между ними) и постмодернистских, прежде всего конструктивистских (например, у Р. Брубейкера [16; 17]), теориях нации и национального речи не идет даже о «тени» «субстанциального понимания»: нация есть исторически сложившаяся общность (результат констелляции социологически и исторически обусловленных обстоятельств: М. Манн [18], определяемая приписываемой ей функцией быть «политической формой» новоевропейского государства. Однако и в этом качестве она «в условиях современности» рассматривается скорее как «препятствие» и «пережиток», поскольку не национальная, но гражданская иден-

тичность рассматривается теперь большинством либерально убежденных авторов как «соответствующая» современному государству «форма» (например, Э. Хобсбаум [10], Б. Як [20]). Тем не менее в 90-е годы XX века проблема «наций» снова становится актуальной, прежде всего с теми острыми политическими конфликтами, не только в «не совсем Европе – восточной», но и в «самом ядре Европы» (Каталония, Шотландия, проблемы в Бельгии – всего не перечислить). Как констатирует К. Хюбнер, «представление философов современного Просвещения, согласно которому в конечном счете именно государственный строй их страны является источником верности ей (конституционный патриотизм), абсолютно чуждо действительности» [21, с. 346]. Таким образом, в той степени, в какой нация продолжает оставаться «несущей субстанцией государства» [21, с. 144], а народу, «окончательно провозглашенному сувереном в качестве нации» [21, с. 119], приписывается суверенитет, вопрос о нации является существенным при рассмотрении природы кризиса нации-государства. Либеральный образ мышления, везде усматривающий «равновесия», описывает нацию либо как «конструкт» (Р. Брубейкер), либо, опознавая нацию, как «метафизическое понятие», потому что «оно не соотносится ни с каким предметом научного познания, но априори положено в основание некоторой области познания, в данном случае политического поля» [21, с. 66], и тогда утверждая, что «идея нации и идея Европы должны быть осознаны в их исторической глубине» [21, с. 9], представляет идею нации и национальную идентичности как «определяемую множеством исторических регулятивных систем, которыми в своих обычных действиях, речи, мышлении, чувствах и желаниях (отчасти осознанно, отчасти неосознанно) в определенные моменты времени руководствуются субъекты, принадлежащие к этой нации. Эти

системы образуют непосредственный горизонт близкого и знакомого» [21, с. 293]. В этом смысле национальная идентичность может быть представлена и как результат целого ряда «консенсусов» и «компромиссов», как «процесс», которому не свойственна «логическая консистентность», но «постулат идентичности нации остается при этом незыблемым, подобно тому как постулат идентичности индивидуального лица нисколько не нарушается и не вызывает сострадания в силу того, что в определенных обстоятельствах оно ведет себя противоречиво» [21, с. 294]. Итак, «всякое национальное системное множество является само по себе несогласованным и нестабильным» [21, с. 304] и нуждается в постоянных усилиях по «согласованию». Однако эта необходимость является большей частью «упущенной» – именно в связи с подозрительностью в отношении ко всякой, претендующей на «естественность» идентичности и не рассматривается как «место», где следует искать «консенсус» или «компромисс».

Не менее существенны, теоретически интересны, но равно, как и в случае с нацией, «упускаются» проблемы, связанные с трансформацией того, что принято называть «народом». В этом термине, согласно Дж. Агамбену [22] (ранее об этом говорила Х. Арендт [23]), кроется существенное и непреодолимое «различение»: он означает как политический, суверенный народ, который необходимо есть «единство», так и то же необходимо «исключенных» из этого единства «обездоленных», которые количественно составляют абсолютное большинство в «народе». Это существенное для претендующей на «демократичность» политической формы обстоятельство также является причиной кризиса новоевропейского государства-нации. Х. Арендт, проводя различие между «процессом освобождения» и «пространством свободы», утверждала, что если «в самом начале» они «совпадают», то затем «энергия обездо-

ленных» направляется против «свободы» (как публичной свободной политической деятельности, которая является делом немногих) и как «социальный вопрос», побеждающий собственно «революцию», более служит стабилизации порядка («социального государства», например; или национального государства, наилучшей формой которого, полагает Арендт, является *диктатура* [23, с. 225]), – тем самым «подрывает» либеральные институты и «сводит на нет» практическое политическое значение либеральных ценностей: современное государство в той степени, в какой практикуются подобные институты и ценности, лишается своей «субстанции», суверенный народ и политическая демократия не составляют больше никакого единства, т. е. консенсус и компромисс в этом отношении как раз предназначены выполнить функцию механизма/инструмента, вновь создающего единство из названной существенной «разделенности».

Однако сама «субстанция народа» также, по утверждению, например, Ж. Бодрийяра [24], изменилась: вместо «народа» в современности мы видим «массу», «непроницаемую» ни для каких воздействий и совершенно индифферентную к любой «рациональной дискуссии»: они просто несовместимы. Из всех характеристик массы, которые называет Бодрийяр, нам следует обратить внимание на следующие. Первое. Явлению масс предшествует, как это утверждает и Арендт, «растворение политического в социальном» [24, с. 23] и утрата в этой связи фундаментального значения политической репрезентации [24, с. 24]: «масса не репрезентируема». Второе. Масса сродни «черной дыре», она есть «фигура имплозии», т. е. «поглощает все внешние сигналы, никак не реагируя на них», «политическое как таковое, политическое чисто стратегической направленности угасает сначала в системе репрезентации, а окончательно – в рамках современной неофигуративности. Последняя предпо-

лагает всё ту же самовозрастающую знаковую, но знаки теперь уже не обозначают: в «действительности», реальной социальной субстанции, им больше ничто не «соответствует». Исчезает социальное означаемое — рассеивается и зависимое от него политическое означающее» [24, с. 25]; массы «не являются ни хорошими проводниками политического, ни хорошими проводниками социального, ни хорошими проводниками смысла вообще. Всё их пронизывает, всё их намагничивает, но всё здесь и рассеивается, не оставляя никаких следов. И призыв к массам, в сущности, всегда остаётся без ответа. Они не излучают, а, напротив, поглощают всё излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального» [24, с. 6-7]. Третье. Масса и «рациональность» несовместимы; нет и не может быть рационального понятия массы, массы непроницаемы для «дискуссий», масса как таковая, как мы уже сказали, не может быть «репрезентирована». Существование массы исключает механизмы политической репрезентации, кроме как в качестве «симулякров»; публичность, «интересы», «дискуссия» и все остальное, что определено нами как сущность либерализма, несовместимо и несоизмеримо с массой; само государство в этих условиях есть «симулякр» («симулякр третьего уровня» [25]) в той степени, в какой народу, ставшему массой, все еще приписывается «суверенитет». Позиция Бодрийяра радикальна и совсем не «либеральна»; с ним можно не соглашаться и так и происходит, но отрицать проблемы в самом существовании и функционировании основного механизма демократической легитимации (в политической репрезентации) – значит слишком уж «не придавать значения» тому, что *есть* [26].

Репрезентация «народа» в «парламенте» – основной способ политической репрезентации (наряду со свободой и публичностью мнений): «Репрезентация

в выражении "репрезентативная система" означает представительство (разумного) народа в парламенте» [4, с. 128], и демократической легитимации современного демократического государства (мы опускаем вопрос о главе государства, который совсем не обязательно демократически избирается: монарх все еще остается важнейшей фигурой репрезентации, но последовательно либеральная мысль старательно обходит этот вопрос молчанием: здесь должно быть «пустое место» [3]). Следовательно, кризис парламентаризма может рассматриваться как важнейший аспект кризиса всей системы политической репрезентации. В какой степени этот кризис *есть* – здесь *оценки* могут расходиться; нас интересует лишь *принцип*. Парламент есть именно преимущественное место для *дискуссии*, с концом дискуссии в парламенте, закончился и он сам, как идея. Согласно Шмитту, завершение становления государства законодательства *одновременно* являлось переходом к другой форме – государству управления; в государстве управления парламент становится местом заключения межпартийных соглашений, по словам Шмитта, «приводным ремнем» между правительством и партиями (одним из многих и не самым важным): «Если публичность и дискуссия в реальной действительности парламентского предприятия стали пустой и ничтожной формальностью, то и парламент, как он до сих пор развивался в качестве института, утратил свое духовно-историческое основание и смысл» [4, с. 145]. Это один аспект проблемы; другой, в контексте нашего рассмотрения также имеющий существенное значение, усматривается Шмиттом в том, что население более не рассматривает «политизацию» и парламент как механизм решения *своих* проблем, – об этом свидетельствует все снижающийся в большинстве стран процент явки избирателей на выборы; «парламент уже не имеет в себе достоинства собрания со специфическими качествами, из-

дающего законы в специфическом смысле слова. Он уже не имеет собственного самостоятельного значения, которое должен был бы иметь в качестве источника легальности законодательного государства, основанного на легальности. Они уже давно не являются отбором в смысле выдвижения и продвижения элиты и обоснования независимой репрезентации» [27, с. 299]. А «когда репрезентация через парламент исчезает и уже не пользуется доверием» [27, с. 276], тогда «плебисцитарный процесс имеет наибольшую силу» [27, с. 276]. Анкерсмит [3] специально указывает на опасности «плебисцитарного процесса» для институтов демократии (если вспомнить, что писала Арендт [23] об «энергии бедных», куда она направлена и к чему в итоге приводит, то утверждения Анкерсмита получают дополнительное подтверждение) и необходимость всячески эти процессы «купировать»: здесь, кстати, находится его обоснование необходимости «эстетической политической репрезентации», к чему мы еще вернемся. Впрочем, «из другого лагеря» неожиданно мы обнаруживаем косвенное подтверждение правоты Анкерсмита и Арендт: Шмитт указывает, что «организация демократии, как она сегодня осуществляется в государствах буржуазных конституций правовой государственности, направлена на то, чтобы игнорировать народ как таковой, поскольку к своеобразию буржуазной конституции правового государства относится игнорирование суверена, будь этим сувереном монарх или народ» [28, с. 145-146].

Итак, «диагностика кризиса» в целом проведена; это – «экзистенциальный кризис», затрагивающий «основы» новейшего европейского суверенного государства-нации. Еще раз с либеральной «точки зрения»: «национальная идентичность» подозрительна и должна быть, насколько возможно, «вынесена за скобки»; народ, даже если не соглашаться с тем, что вместо народа мы теперь имеем дело с мас-

сой, фундаментально «расколот» и «большинство» является и должно оставаться «исключенным» (растерянность либеральной мысли, когда все-таки это «большинство» высказывается, очень быстро переходит в ненависть: пример последних двух президентских выборов в «оплоте демократии» нескоро будет забыт) и «безмолвствующим»; политическая репрезентация как основной механизм демократической легитимации должна быть выстроена таким образом, чтобы соблюсти все названные «исключения», но формально выполнять свою функцию, – вызов «чрезвычайный» и требует, кажется, не менее «основополагающего» (в точном смысле «заново полагающего основы») ответа. Таким ответом на всех «уровнях» экзистенциального кризиса полагается «рациональная дискуссия», посредством которой обретаются консенсус и, где это невозможно и ненужно, допускается компромисс.

Для того чтобы яснее представлять эти «уровни», напомним про еще одно различие, которое, настаивала Х. Арентс [23], следует «удерживать»: речь идет о «двух смыслах» общественного договора (или о двух «общественных договорах», которые часто не разделяются). Первый – тот, который связывается обычно с Т. Гоббсом [29]: обмен свободы на безопасность и *учреждение* суверена и государства. Второй, по Арентс, договор между гражданами и властью, создающий область публичной политической свободы посредством ограничения власти (и тем самым новое, *республиканское* учреждение теперь уже не суверенного, но либерального государства). Дело не в том, что два эти «договора» существенно несовместимы (для доказательства этого требуется специальное исследование; укажем только, что суверен не вступает в «договорные отношения» ни с кем, кроме других суверенов, а подданные утратили суверенность в результате учреждения суверена, т. е. «местом» для договора между суверенами осталось только в от-

ношениях между государствами), но для проблематики нашего исследования важно, что с этими двумя договорами связано *два* консенсуса, т. е. два *уровня*, которые надлежит различать. Третий уровень – отношения между теперь (в результате второго договора) равноправными субъектами *интересов*: если на втором уровне совершается консенсус относительно *прав*, то на третьем – достигается соглашение относительно *интересов*. Следует также определить *предпосылки*, конститутивные для «второго» и «третьего» уровня. Во-первых, речь может идти только об индивидах, которым принадлежат/приписываются «базовые права»; для этого они должны быть автономны, т. е. предварительно «очищены» от «следов» любых «коллективных идентичностей»: не только национальность, но и религия, культура, даже, как показало современное последовательное развитие либерализма, семья, сексуальная принадлежность, – должны рассматриваться как результат свободного выбора, *после* и *вследствие* «прав» автономного (атомизированного) индивида, который только и предполагается способным и *обязанным* быть вовлеченным в рациональную дискуссию. Конечно, это в определенном смысле утопия, но как факт, а не как принцип; и сколько бы не говорилось, например, Хьюбером о том, что «недавно появившиеся предложения по замене – якобы отжившего свое – национального государства на так называемое мультикультурное общество нелепы и коренятся в мышлении, чуждом всякой действительности» [21, с. 9], *принципиально* это ничего не меняет. Во-вторых, следует изменить представление о природе политической репрезентации, т. е. вообще «отменить» понятие политического: политика последовательно заменяется управлением (на что указывал еще М. Вебер [30]; Шмитт писал: «Макс Вебер в своем труде *Parlament und Regierung im neugeordneten Deutschland* (1918) доказывал, что социологически

государство является всего лишь большим предприятием и сегодня хозяйственный административный аппарат, фабрика и государство уже не являются сущностно различными» [4, с. 117], тема известная, и не имеет сейчас значения то, что Шмитт полагает это невозможным и что политика «неуничтожима», – важно, что «либерализм» так не считает), и тогда политически нерепрезентируемый частный интерес становится, напротив, единственным, что следует репрезентировать (в эстетической политической репрезентации Анкерсмита [8] так и есть) и по поводу чего уместен компромисс.

Мы выделяем три «идеально-типических» случая «рациональной дискуссии», представленных в современной политической философии и политической теории: «эпистемологическое доказательство» консенсуса Ю. Эльстера [31], «перекрывающийся консенсус» Дж. Ролза [7] и «прагматическое» доказательство преимущества компромисса по сравнению с консенсусом для «некоторых политических вопросов» Ф. Р. Анкерсмита [8].

Исходное (для нас) утверждение Эльстера определяется так: «Политике следует стремиться к единодушному и рациональному консенсусу, а вовсе не к оптимальному компромиссу между непримиримыми интересами. Форум нельзя марать принципами, которыми регулируется рынок, а коммуникацию нельзя путать с торгом» [31, с. 33]. Предпосылки движения к консенсусу определяются им так. Во-первых, некоторые взгляды просто невозможно высказать публично (например, «в политической дискуссии прагматически невозможно утверждать, что данное решение было выбрано только исходя из выгоды для того, кто его предложил, или группы, к которой он принадлежит. Самим фактом вступления в публичную дискуссию – тем, что спор предпочитается торгу, – исключается допустимость таких утверждений» [31, с. 33]). Во-вторых, он полагает, что «со временем забота об общем

блага заставит изменить взгляды» [31, с. 34]; «давая голос разуму, вы сами испытываете его воздействие» [31, с. 34]. Итог здесь: «Публичные дискуссии способствуют осуществлению общего блага» [31, с. 34]. В тех случаях, когда консенсус не может быть достигнут, например, в связи с недостатком времени, Эльстер полагает, что «институты» должны применить имеющееся в их распоряжении «могущество» [31, с. 32-35]. Здесь важно именно то, что речь идет только о выделенном нами «втором уровне», т. е. о «фундаментальных правах и ценностях», согласие относительно которых в целом *уже существует* и в случае необходимости обеспечивается властно (институционально), а обсуждению подлежат лишь детали и технические вопросы, связанные с их «реализацией»; речь о *существовании* самого единого политического тела и о его *единстве*, которое может стать проблематичным и, значит, представляет собой вопрос «экзистенции», просто не идет.

В теории «перекрывающегося консенсуса» Дж. Ролза речь идет о том же, о чем у Эльстера. Перефразируя Анкерсмита (у него, как и у Ролза, речь идет о кальвинисте и неокантианце [8]), можно считать установленным, что «сторонник ислама» и «кальвинист» в совместном существовании имеют больше общего, чем разделяющего их, и это общее является существенным и собственно *политическим*, а вопросы веры, так называемые «фундаментальные истины», *не имеют к нему отношения*. Анкерсмит описывает такой консенсус как постепенно расширяющуюся область согласия: «Мы начинаем со "всеобъемлющих доктрин" (кальвинизм, кантианство и так далее) и анализируем практические возможности их мирного сосуществования; после чего мы используем найденный компонент общности как (1) основание для достижения дальнейшего соглашения и (2) как исходную позицию в рамках каждой из этих "всеобъемлющих доктрин" для убеждения ее приверженцев в

том, что эту общность следует признать выражением политической справедливости. Говоря метафорически, предложенная процедура скорее «горизонтальна», чем «вертикальна». Ролз называет ее процедурой «перекрывающегося консенсуса» [8, с. 245]. Опять же ни в коем случае речь не идет о консенсусе, положенном в основу «республиканского учреждения» единого политического тела; полагается нерелевантным все, что «разделяет» или «препятствует» такому консенсусу: он полагается как *факт* (как *налично данное*: автономный индивид, политически представленный И. Кантом [32] как *гражданин*, есть в своей основе *субъект*, который существенно определяется М. Хайдеггером как «неспособный» выйти из «наличного»), обеспеченный, как и у Эльстера, институционально, т. е. существующими институтами государства. «Область исключения» и количество «исключенных» при этом *принципиального* значения не имеют и препятствием для рациональной дискуссии автономных индивидов не являются. Якобинская логика, а так же утверждение Руссо о том, что «врага» общей воли следует искать прежде всего в самом индивиде [23, с. 101-102] и поступать соответствующим образом, «сдерживается» только *уверенностью* в том, что «современный человек» не может быть «фундаменталистом», а если подобное еще встречается, то надлежит использовать власть государства для скорейшего «перевоспитания» и «модернизации» (на чем, собственно, настаивает и Ю. Хабермас); способы при этом, разумеется, следует использовать «самые гуманные» из возможных (основанием оптимизма снова выступает уверенность в самооценности «автономного индивида», наделенного «естественными», т. е. именно либеральными, правами, без указания на то, что даже «набор» «естественных прав» как «прав человека» как «высшей ценности» непрерывно *меняется*).

Наконец, Анкерсмит, выявляя область для компромисса, проницательно указывает на то, что сам «консенсус» (как мы показали в статье – «второй уровень») является не «данным», но исторически формирующимся, *modus vivendi*, как пишет Анкерсмит, т. е. результатом компромисса. В этом отношении компромисс предпочтительнее консенсуса потому, что он «динамичен», в то время как консенсус «статичен»; компромисс «креативен» и в случаях «непреодолимого разногласия» способен стать средством преодоления политического кризиса. Тем не менее Анкерсмит оговаривается, что «фундаментальные либеральные ценности» «конечно» не могут стать предметом компромисса: «Конечно, есть сферы, где щепетильность Ролза оправдана. От базовых политических принципов (толерантность, свобода мысли или гражданская свобода) никогда нельзя отказываться в обмен на экономические и финансовые выгоды. Вообще говоря, пока мы размышляем о признанных базовых правах гражданина, у нас действительно нет места для компромисса» [8, с. 249-250]. Он определяет «место» для компромисса так: «Компромисс является выходом из ситуации, когда «прежние политические позиции не смогли создать основу для политической кооперации» [8, с. 258], и требуется поиск новой позиции, причем ее новизна должна снять подозрение сторон в том, что в этой новой позиции фиксируется «победа» одной из сторон: «При достижении политического компромисса все стороны должны максимально вложить в свою финальную позицию то, что было минимальным в исходной позиции. Не стоит и говорить, что это не должно выглядеть предательством исходной позиции. Это было бы равносильно политическому самоубийству. Акцент делается на метаморфозе исходной позиции, а метаморфоза состоит в сочетании максимальной верности своей исходной позиции и ее максимальной трансформации. Возникает новый политический мир,

«диалектически» преодолевающий прежние позиции и оппозиции» [8, с. 258-259]. Определяя предмет компромисса, Анкерсмит полагает и даже уверен в том, что в «современном» государстве «обычно политические дебаты и процесс принятия решений затрагивают вопросы о том, куда следует инвестировать больше денежных средств: в образование или в национальную безопасность; сколько нужно инвестировать в инфраструктуру страны; как лучше бороться с преступностью: увеличить штат полиции или количество программ по социальной интеграции маргиналов (или сочетать обе стратегии); как реагировать на ущерб, причиняемый окружающей среде промышленностью и транспортными системами; наконец, ряд экономических вопросов: должно или нет государство стимулировать экономику, на каком этапе усовершенствование системы социального обеспечения становится контрпродуктивным, как лучше бороться с безработицей и так далее» [8, с. 250], т. е. никаким образом не относятся к «экзистенциальному вопросу» существования данного политического тела, который предполагается «решенным». Поскольку перечисленные Анкерсмитом «вопросы», разумеется, имеющие значение и являющиеся предметом разногласий между различными «политическими силами», имеют скорее «технический» характер, то он обоснованно утверждает невозможность и ненужность их обсуждения даже в терминах «прав», «как это делает Ролз»; традиция объясняет использование подобного «лексикона» («права человека» и их дедукция из каких-либо «общих утверждений» о природе человека, например, были обоснованы триста лет назад, в период «борьбы с абсолютизмом», но с тех пор ситуация изменилась), но в современном благоустроенном государстве прибегать к этой традиции представляется излишним.

Следует обратить внимание на еще одно существенное обстоятельство: все

три представленные нами «идеально-типические» позиции – *последовательно редукционистские*: политика как управление и бесконечная рациональная дискуссия, в результате которой истина *не достигается*, но *организуется* предполагают *редукцию политического* в той степени, в какой требуется *политическое решение*. Эльстер «разрешает» политическое в эпистемологии, Ролз – не менее последователен и настойчив в этическом редукционизме политического, Анкерсмит считает необходимым интерпретацию политического через «эстетику». Дело в том, что как бы ни понимать «политическое»: как это делает Шмитт в «Понятии политического» [33] через экзистенциальную оппозицию «друг – враг», или как Агамбен, когда не соглашаясь со Шмиттом пишет: «Фундаментальной категориальной парой западной политики является не оппозиция друг / враг, а голая жизнь / политическое существование, $\zeta\omicron\acute{e}/\text{bios}$, исключение / включение. Политика существует потому, что человек – живое существо, которое отделяет от себя и противопоставляет себе посредством языка свою собственную голую жизнь и в то же время остается связанным с ней через включающее исключение» [22, с. 15], – в любом случае, в самом «основании» усматривается «разрыв», природа которого (экзистенциальная) ни в каком случае не «перекрывается» рациональной дискуссией. Разумеется, «разрыв» конститутивен и для эпистемологии («субъект – объект», «преодолевается» который, например, в кантовском понятии субъективности, в «трансцендентальной способности воображения» [34], и для этики (противоположность «добро – зло» и кантовская же интерпретация, если «забыть» о том, что Кант написал о «сущем зле»), и для эстетики особенно, на что обращает внимание сам Анкерсмит (и то же: в «учении о перспективе», например, и о наблюдателе этот «разрыв» если не преодолевается, то примиряется в некотором «высшем един-

стве»; по аналогии с этим выстроена эстетическая политическая репрезентация и теория «организации истины» вместо истины в политике у Анкерсмита). Но посредством редукции «разрыв» изымается из собственно «политического», и только этим обеспечивается *последующая* возможность рациональной дискуссии; при этом само политическое растворяется в «несущести», но это ведь и есть «суть либерализма», как его понимал Шмитт.

Выводы

Таким образом, область «рациональной дискуссии» определена формально и содержательно; основным выводом здесь может стать утверждение о том, что в такой дискуссии нисколько даже не затрагиваются вопросы «экзистенциальные», которые, как мы постарались показать,

только и определяют суть современного кризиса нации-государства; более того, рациональная дискуссия необходимо основывается на предположениях, действительность которых по меньшей мере сомнительна. Если даже имеется возможность «переопределить» кризис в «либеральных терминах», то эта возможность связана исключительно с «перспективой глобализации», которую мы исключили из нашего настоящего рассмотрения; но в этой перспективе речь уже не идет о сохранении нации-государства и его демократических институтов. «Вызов» предполагает «ответ», но в основе и того, и другого лежит *решение*, на которое либеральная мысль, определяемая в своей сущности как бесконечная дискуссия, если она последовательна, существенно же *не способна*.

Список литературы

1. Шмитт К. Политическая теология // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5-59.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
3. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
4. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93-170.
5. Habermas J. Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1984. Vol. 1. 465 p.
6. Habermas J. Theory of Communicative Action. A Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press, 1987. Vol. 2. 463 p.
7. Rawls J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 1996. 525 p.
8. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 288 с.
9. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 456 с.
10. Алавердян А. Л., Мальцев К. Г. «Гражданская нация» и суверенный народ: исследование необходимости национальной формы политического единства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 5 (114). С. 24-31.
11. Калдор М. Новые и старые войны: Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. 416 с.
12. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 270 с.
13. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
14. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
15. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Модернистский и конструктивистский способы концептуализации нации и национализма: сопоставительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 273-291.

16. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
17. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430-434.
18. Манн М. Источники социальной власти. М.: Дело, 2018. Т. 2, кн. 1. 503 с.
19. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алитейя, 1998. 305 с.
20. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 520 с.
21. Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению. М.: Канон +, 2001. 400 с.
22. Агамбен Дж. Номос sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
23. Арндт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
24. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 96 с.
25. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2006. 389 с.
26. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // Politbook. 2020. № 3. С. 80-97.
27. Шмитт К. Легальность и легитимность // Государство: Право и политика. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. С. 221-306.
28. Шмитт К. Учение о конституции // Государство и политическая форма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. С. 33-236.
29. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 478 с.
30. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. Т. 4. 542 с.
31. Эльстер Ю. Кислый виноград: Исследование провалов рациональности. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 296 с.
32. Кант И. К вечному миру // Сочинения: 8 т. М.: Мысль, 1994. Т. 7. С. 5-57.
33. Шмитт К. Понятие политического // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280-408.
34. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Логос, 1997. 168 с.

References

1. Schmitt C. Politicheskaya teologiya: chetyre glavy k ucheniyu o suverenitete [Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty.]. Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 5-59.
2. Bauman Z. Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva [Globalization. Consequences for individuals and society]. Moscow, Ves Mir Publ., 2004. 188 p.
3. Ankersmit F. R. Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2014. 432 p.
4. Schmitt C. Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma [The Historical and Spiritual State of Modern Parliamentarism]. Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 93-170.
5. Habermas J. Theory of Communicative Action. Boston, Beacon Press, 1984, vol. 1. 465 p.
6. Habermas J. Theory of Communicative Action. A Critique of Functionalist Reason. Boston, Beacon Press, 1987, vol. 2. 463 p.
7. Rawls J. Political Liberalism. New York, Columbia University Press, 1996. 525 p.
8. Ankersmit F. R. Politicheskaya reprezentatsiya [Political representation]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2012. 288 p.
9. Heidegger M. Osnovnye problemy fenomenologii [Basic problems of phenomenology]. St. Petersburg, Higher Religious and Philosophical School Publ., 2001. 456 p.

10. Alaverdyan A. L., Mal'tsev K. G. "Grazhdanskaya natsiya" i suverennyi narod: issledovanie neobkhodimosti natsional'noi formy politicheskogo edinstva ["Civil nation" and a sovereign people: a study of the need for a national form of political unity]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* = *Humanities and Socio-Economic Sciences*, 2020, no. 5 (114), pp. 24-31.
11. Kaldor M. Novye i starye voyny: Organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu [New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era]. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2015. 416 p.
12. Smith A. D. Natsionalizm i modernizm: Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma [Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach]. Moscow, Praksis Publ., 2004. 270 p.
13. Gellner E. Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]. Moscow, Progress Publ., 1991. 320 p.
14. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, Kanon-Press-Ts Publ., Kuchkovo pole Publ., 2001. 288 p.
15. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Modernistskii i konstruktivistskii sposoby kontseptualizatsii natsii i natsionalizma: sopostavitel'nyi analiz [Modernist and Constructivist Ways of Conceptualizing Nation and Nationalism: Comparative Analysis]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* = *Social and Humanitarian Knowledge*, 2020, no. 3, pp. 273-291.
16. Brubaker R. Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without Groups]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2012. 408 p.
17. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Konstruktivistskaya paradigma v issledovanii natsii, natsionalizma, etnonatsional'nogo konflikta: nekotorye kriticheskie zamechaniya [Constructivist paradigm in the study of nation, nationalism, ethno-national conflict: some critical remarks]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* = *Eurasian Law Journal*, 2020, no. 8 (147), pp. 430-434.
18. Mann M. Istochniki sotsial'noi vlasti [Sources of Social Power]. Moscow, Case Publ., 2018, vol. 2, book 1. 1503 p.
19. Hobsbawm E. Natsii i natsionalizm posle 1780 goda [Nations and Nationalism after 1780]. St. Petersburg, Aliteya Publ., 1998. 305 p.
20. Yak B. Natsionalizm i moral'naya psikhologiya soobshchestva [Nationalism and the moral psychology of the community]. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2017. 520 p.
21. Hubner K. Natsiya: Ot zabveniya k vozrozhdeniyu [The Nation: From Oblivion to Rebirth]. Moscow, Kanon + Publ., 2001. 400 p.
22. Agamben G. Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn' [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 256 p.
23. Arendt H. O revolyutsii [On Revolution]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 464 p.
24. Baudrillard J. V teni molchalivogo bolshinstva, ili konets sotsial'nogo [In the Shadow of the Silent Majorities, or the End of the Social]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2000. 96 p.
25. Baudrillard J. Symbolic exchange and death [Simvolicheskii obmen i smert']. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 389 p.
26. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Diskurs "antiterroristicheskoi voyny" i spravedlivaya, to est' total'naya, voyna [Discourse of "anti-terrorist war" and just, that is, total, war]. *PolitBook*, 2020, no. 3, pp. 80-97.
27. Schmitt C. Legal'nost' i legitimnost' [Legality and legitimacy]. Gosudarstvo: Pravo i politika. [State: Law and Politics]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2013, pp. 221-306.
28. Schmitt C. Uchenie o konstitutsii [The Doctrine of the Constitution]. Gosudarstvo i politicheskaya forma [State and Political Form]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2010, pp. 33-236.
29. Hobbes T. Levafan ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 478 p.

30. Weber M. Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2019, vol. 4. 542 p.
31. Elster J. Kislyi vinograd: issledovanie provalov ratsional'nosti [Sour Grapes: Studies in the Subversion of Rationality]. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2018. 296 p.
32. Kant I. K vechnomu miru [To the eternal peace]. Sochineniya [Works]. Moscow, Mysl Publ., 1994, vol. 7, pp. 5-57.
33. Schmitt C. Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]. Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 280-408.
34. Heidegger M. Kant and the Problem of Metaphysics [Kant i problema metafiziki]. Moscow, Logos Publ., 1997. 168 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Мальцев Константин Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: maltsevaannav@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1398-6625

Konstantin G. Maltsev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation, e-mail: maltsevaannav@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1398-6625

Мальцева Анна Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: pavic69@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7287-313

Anna V. Maltseva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod state Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation, e-mail: pavic69@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7287-313